

Оммания, выслушав Аливайю, улыбнулась ей:

— Вы существуете в бесконечном потоке времени, и похвалы уже заполнили пустоту этих тысяч, а то и десятков тысяч лет — будь то искренние или фальшивые, лесть или благоговение. Но сегодня Оммания, как дитя богини, поднесет вам похвалу от новорожденного божества. Богиня Аливайя, ваши волосы блестят, словно лучший шелк в этом мире, они мягки и послушны. Ваш лик безупречен, подобно снегу, ниспосланному богом зимы. Ваша мудрость — роскошь, недостижимая для бесчисленных существ, а ваш венец будет вечно сиять в этом мире, не тускнея до самого конца времен.

Пусике, услышав это, с легким изумлением посмотрела на дочь, которую только что создала. Та оказалась красноречивой и смышленной, но при этом любящей и нежной по отношению к матери. Именно такой духовностью и должно обладать творение Богини всех сущего.

— А-ха-ха! — Аливайя, которой предназначалась похвала, пришла в восторг. Она даже не пыталась скрыть своего ликования — слова Оммании в значительной степени польстили ей. — Послушай, Пусике, какая искренняя похвала! Это куда приятнее, чем все уловки и поцелуи морского бога!

Пусике ничего не ответила, лишь прикрыла рот ладонью, тихо посмеиваясь. Ее характер не был таким необузданным, как у Аливайи; среди всех божеств она была ближе всего к людям, ведь именно из ее рук вышли первые из них.

— Но, прекрасные богини, если вы хотели явиться ко мне для беседы, почему не выбрали время, пока моя мать спала? — Оммания, закончив с комплиментами, решила выразить свое недовольство.

Она слегка нахмурилась, однако в уголках ее глаз все еще играла улыбка, а всем своим видом она изображала человека, которого поставили в неловкое положение.

Пусике улыбнулась и принялась объяснять:

— Не волнуйся, Оммания, Эшли это ничем не грозит. Аромат камелий подарит ей крепкий и безмятежный сон.

Пусике взглянула на девушку, покоящуюся в объятиях Оммании. Черные пряди волос скрывали ее лицо. Эти волосы, подобные ночному небу и глубинам океана, обладали красотой, какой она еще никогда не видела. Аливайя же лишь вскинула бровь, глядя на Омманию. В ее словах не было ни капли раскаяния — лишь высокомерие, присущее богам.

— Маленький теленок, что за глупости ты говоришь? Разве благородное божество должно заботиться о чувствах смертных? Тебе стоит радоваться, что ты сама наделена божественной сущностью, иначе тебе бы пришлось...

Аливайя осеклась, прищурившись, и оборвала свои упреки в неуважении. Оммания ждала продолжения, но Аливайя вдруг замолчала. Она отбросила высокомерный взгляд и медленно приблизилась к Оммании — а точнее, к Эшли, лежащей у той на руках.

Под пристальным взглядом Пусике и Оммании Аливайя протянула палец и коснулась пряди черных волос Эшли. Спесь в ее глазах мгновенно сменилась изумлением.

— О, Бог Света... только посмотрите на этот цветок, рожденный словно в глубинах преисподней, — Аливайя была потрясена. Она кончиками пальцев погладила черные волосы Эшли. — Даже блеск, который я видела в Зеркале Будущего, не идет ни в какое сравнение с реальностью, и на одну миллионную часть.

Аливайя выражалась весьма пафосно, но боги уже привыкли к ее манере. Она притворно вздохнула, прикрыла глаза и подперла лоб рукой.

— За все долгие века моей памяти... — Аливайя открыла глаза и посмотрела на Эшли с примесью сомнения и любопытства. — Я еще никогда не видела волос столь чистого черного цвета.

Пусике, услышав это, тоже перевела взгляд на Эшли. Аливайя тут же ухватила за это, повернулась и потянула Пусике за рукав:

— Пусике, все люди рождены из твоих рук. Создавала ли ты когда-нибудь человека с черными волосами?

Пусике посмотрела на Эшли, задумалась на мгновение и покачала головой:

— Нет... я никогда не создавала людей с черными волосами.

В этом мире просто не существует чистого черного цвета. Даже ночное небо или глубокий океан всегда содержат в себе примеси других оттенков. Как же она могла создать нечто абсолютно черное? К тому же, казалось, что Эшли — единственная в мире обладательница таких волос.

Пока богини размышляли, Оммания тихо произнесла:

— Возможно, именно в этом и заключается повод для Бога Света полюбить ее.

Эта фраза заставила обеих богинь перевести взгляды на Омманию. Та лишь изящно улыбнулась. Пусике, словно убежденная этими словами, согласно кивнула, а Аливайя задумчиво уставилась на Эшли. Неизвестно почему, но у нее возникло непреодолимое желание убрать пряди, скрывавшие лицо девушки. Если даже волосы в реальности оказались в тысячу раз прекраснее, чем в Зеркале Будущего, то каков же тогда ее лик?

Аливайя уже было протянула руку, как вдруг там, где стояли богини и возвышалась статуя, с небес пролился золотой свет, озарив Аливайю и Пусике. Аливайя замерла и подняла взгляд на изваяние Эфэйтэ. Казалось, статуя, сидевшая на троне с опущенным взором, вдруг ожила.

— Аливайя, Пусике.

Холодный голос Эфэйтэ, казалось, пронзил облака, донесясь до богинь с небес. Он почувствовал, что они нашли Омманию, и приказал им возвращаться в Наэрмику.

Аливайя убрала руку, скрестила на груди и вызывающе вскинула бровь, глядя на статую Эфэйтэ:

— Неужели вечно равнодушному Богу Света стало скучно на своем троне, раз он решил вмешаться в чужие дела?

Пусике с тревогой посмотрела на Аливайю, пытаясь жестом остановить ее. Однако Аливайя знала Эфэйтэ дольше всех остальных богов и не считала, что должна склоняться перед ним в подобострастии.

Эфэйтэ не обратил на нее внимания. Сразу после того, как он предупредил их, ясное небо внезапно затянуло тучами, и прогремел гром.

— Ну же, Аливайя, боюсь, если мы сейчас же не уйдем, в нас ударит молния... — Пусике потянула ее за рукав, терпеливо уговаривая.

Аливайя недовольно фыркнула, но быстро взяла себя в руки. Она обворожительно улыбнулась Оммании:

— Что ж, хорошо. Новорожденная дочь, попрощайся с богинями красоты, мудрости, плодородия и возрождения.

Оммания почтительно улыбнулась им и слегка склонила голову в знак уважения.

— До свидания, прекрасные богини.

Аливайя взмахнула рукой, и перед ними возникла дверь, открывающая путь в любое место. Уходя, Пусике обернулась:

— Надеюсь, что однажды ты вернешься в Наэрмику, Оммания.